

13 ИЮН 39

ОБРАЗЦОВ И ЕГО ТЕАТР

Пал спокон поднимается солнце.

В кукольном театре солнце особенное: у него круглое золотое лицо, сияя рубаха с желтыми рукавами, растопыренные руки. Рубаха его заменяет занавес. В продолжение всего спектакля солнце играет служебную роль: оно является только тогда, когда нужна заслонить то место сцены, где меняется декорация. Но в последнем акте — в апофеозе сказки — солнце вмешивается в самое действие. Когда на сцене идет веселый свадебный пир, солнце пускается в пляс. Над широкой мелькают его ноги в золотых лапоточках.

Такие чудеса происходят в Государственном центральном театре кукол — в том самом, который чаще всего называют просто театром Образцова.

Все существующие в нашей стране театры кукол — и ленинградский, руководимый К. С. Деммени, и московские, и карьковские, и киевские — возникли после Великой Октябрьской революции. Она дала им право на существование, превратила их из предмета эстетской, любительской забавы в настоящее, нужное дело.

У театра Образцова очень короткая биография. Он родился всего лишь восемь лет назад, но успел за эти годы подружиться с десятками тысяч маленьких и больших зрителей, успел многое изобрести и придумать.

С тех пор как у театра появился свой собственный дом на площади Маяковского, он развернул большую культурную работу: организовал единственный в Союзе музей по истории театра кукол, библиотеку, мастерские; при театре начали проводиться семинары для руководителей самостоятельных театров, для красноармейцев, для школьников.

В своем доме театр дает ежедневно два спектакля. И вместе с тем он ухитряется путешествовать по всей стране.

Кочевал театр и по городу Москве. Многие москвичи встречали на улицах пестро расписанный автомобиль-фургон с надписью «Государственный Центральный Театр Кукол». Этот фургон торжественно въезжал в ворота какого-нибудь московского дома и останавливался посреди двора. Из фургона вылезал заслуженный артист республики, а за ним и другие его товарищи по театру. В минуту или две — на звуки фанфары — из квартир высыпали зрители всех возрастов, а фургон превращался в сцену кукольного театра.

Спектакли этого театра видели и школьники у себя в школе, и красноармейцы у себя в клубах, и профессора в Доме ученых. В таком повседневном общении с самыми разнообразными зрителями театр рос и развивался.

Лет двадцать назад С. В. Образцову не нужно было ни грузовика, ни товарного вагона для того, чтобы перевезти своих кукол. Он странствовал налегке — со складной ширмой, в карманах которой были упрятаны его причудливые куклы. Он был тогда только актером — желанным гостем любой эстрады.

С астролой С. В. Образцов не расстался и до сих пор — да и незачем ему расставаться. Но теперь из его разнообразных сольных номеров возникла белая симфония — театр. Солист стал дирижером, руководителем большого художественного коллектива. Это произошло не случайно.

Зачатки драмы были, в сущности, и в отдаленых, даже самых коротких, его номерах. Романс «Титулярный советник» в исполнении Образцова длится не более двух минут, а ведь это целый спектакль, по крайней мере в двух актах. Маленькая, плещивая, лупоглазая кукла, изображающая титулярного советника, объясняется в любви, терпит неудачу, топчет горе в вене. Она беспомощно ложится навзничь и опро-

кидывает в горло поллитра водки из стоящей большой бутылки, а потом в полном отчаянии обнимает вместо генеральской дочки собственную ногу. Как много в этом спектакле режиссерской выдумки и находчивости!

Изобретателем Образцов не только в режиссуре, но и в создании своих кукол. Куклы его — люди, собаки, кошки, обезьяны — никогда не натуралистичны, но стоят им появиться над ширмой, как они становятся живыми. Когда кот, поющий Гречанинова, бешено крутит хвостом на самой высокой ноте романса, никто не сомневается, что это кот. Так хорошо помечены его повадки, так выразителен пушистый хвост.

Но дело не в одних куклах. Экспрессию им придают руки артиста. Эти руки необыкновенно подвижны, красноречивы, послушны любой мысли и чувству художника.

Надетый на руку чулок каким-то чудом превращается в тупое и скучное лицо назойливого «докладчика», читающего лекцию о том, как должна вести себя в парке всякая «гуляющая человеко-единица».

Надетые на указательные пальцы деревянные шарки очень трогательно и смешно изображают двух влюбленных, которые — по романсу Чайковского — «сидели вдвоем у заснувшей реки» в ничто не сказали друг другу о своей любви.

Номера Образцова непохожи один на другой. В них звучит то обличительная сатира, то самая нежная лирика. Рядом с пародийно-оперной Кармен, танцующей хабанеру, он показывает зрителям простодушного и многого полярного медведя, оплакивающего разлуку с папанинцами.

У С. В. Образцова еще большой путь впереди. Его многообразные дарования — актера, режиссера, скульптора, певца — дают ему возможность находить все новые и новые жанры, велющие к созданию настоящего народного театра.

Черты такого театра уже сказываются в одной из лучших постановок Образцова — «По щучьему веленью» (пьеса В. Я. Тараконской).

В инсценировке шутливой народной сказки легко было впасть в стилизацию или в шарж. Постановщик избежал того в другом. На сцене, несмотря на ее тесные размеры и усложненность игрушечных персонажей, дается подлинный русский пейзаж, изображенный с предельной законичностью, — крыша под снегом, — и вполне реальный крестьянский быт старого времени.

Образцов знает, как создать у зрителя ощущение реальности: вот Емеля пробил коромыслом несуществующий ледок на проруби, — и в зрительный зал из-за ширмы брызнула тонкой струйкой настоящая вода; вот в условной, трехстенной избе затопила печь — и из трубы поднялся настоящий дымок. Доверие зрителя завоевано; теперь он готов поверить и тому, что у велера вырастают ноги, и тому, что сосна зацветает розами, и всем другим сказочным чудесам спектакля.

«По щучьему веленью» — один из серьезных экзаменов, выдержанных Государственным центральным театром кукол. Мы вправе ждать от этого театра, что он покажет нам на своей маленькой арене и своеобразную комедию нравов, и острую политическую сатиру, и сказочно-героическую эпопею.

Многие спектакли театра так легки и поргатины, что их можно в любой момент погрузить на самолет, на баржу, на арбу, на варты и перебросить в любой колхоз, в горный аул, на лесосплав, а если понадобится, — то и на фронт.

С. МАРШАК.